

УДК 821.112.2

*Гильфанова Г.Т., кандидат филологических наук, доцент
Набережночелнинский институт ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ИОГАННЕСА БОБРОВСКОГО

Аннотация: Поэтическое освоение исторического прошлого народов Восточной Европы, многовековые немецко-литовско-славянские отношения и собственный опыт побудили И.Бобровского обратиться к немецкой истории. Тесное переплетение истории и современности в романах писателя, актуализация народного творчества как условия установления взаимопонимания, укрепления дружбы между немецким и славянским народами является важнейшим моментом в системе его художественной концепции истории.

Ключевые слова: история, современность, концепция истории, творчество

Творчество Иоганнеса Бобровского – значительная и еще до конца не написанная страница в истории немецкоязычной литературы второй половины XX века. Это художник, сочетающий в себе талант писателя, поэта, музыканта, историографа и аналитика. Анализируя проблематику романной прозы самобытного автора, подчеркиваем ее гуманистическую направленность и отмечаем в его произведениях актуальный смысл истории и современности.

Сложный мировоззренческий путь писателя (участник войны на Восточном фронте, годы русского плена) представляет, в сущности, судьбу послевоенного поколения немцев, ищущих себя в период так называемого Великого Противостояния: «эксперимент строительства социалистического государства», крушение Суперсистемы. В поэтических сборниках на «сарматскую тему» Бобровский уже говорил о своей «Сарматии» как об античной Восточной Европе, территорию которой населяли народы с их историей и уникальной культурой. Поэтическое освоение исторического прошлого народов Восточной Европы, многовековые немецко-литовско-славянские отношения и собственный опыт побудили И.Бобровского

обратиться к немецкой истории, чтобы на ее уроках и примерах найти ответы на трудные вопросы немецкой жизни середины XX века.

Его лирика, новеллы и романы «Мельница Левина», «Литовские клавиры» названы германистом Г. Фроловым «подлинной, высокой литературой, выполнявшей не идеологические, а присущие ей функции» [5, с. 187]. В романах Бобровского художественно исследуется основная тема его творчества «немцы и европейский Восток», подвергается критике захватническая политика немецких нацистов, их антигуманное, шовинистическое давление на поляков, литовцев, евреев, русских как следствие идеологии официальной Германии еще в конце XIX - начале XX веков.

Клайпедский (Мемельский) край, недалеко от которого родился писатель и куда часто приезжал в детстве, между двумя мировыми войнами, находился в особом положении. Он входил в Литву на правах автономии «Мемельская область, которая была отдана Литве, или как пишется в газете: ... до сих пор еще не может прибегнуть к защите рейха» [1, с.332].

После того, как в Германии пришел к власти гитлеровский фашизм, нацисты стали усиленно требовать присоединения этих земель к германскому рейху. В 1936 г., время действия романа «Клавиры» [2, с.209], эти требования звучат более громко, подкрепляясь дипломатическим нажимом, экономическим воздействием, прямыми провокациями. Эти действия нашли свое отражение в деятельности «мемельландской партии», созданной на территории Мемельского края по указке из Берлина. Идеология вновь созданной партии – продолжение идеологии германского фашизма, возникшего не на пустом месте, в свою очередь явившегося следствием шовинистической политики и идеологии официальной Германии в прошлом, в особенности.

Шовинистическая идеология гитлеровской Германии представлена в романе адвокатом Нейманом и его «сподручными», среди которых есть не только немцы, но и воинственно настроенные прусские литовцы (Фрау Фрелих, учитель Шимкус, парикмахер Бергер...). Польша, Украина и другие государства, населенные «второстепенными» народами, численность которых

подлежало сокращению любыми средствами, рассматривались в качестве главных объектов германской экспансии, как “естественный резерв расширения жизненного пространства” немцев.

На Литовской земле, еще являющейся собственностью Литвы, Нейман имеет наглость пригласить профессора Фойгта на прогулку по “почти нетронутой немецкой деревне”. Его желание видеть Вилькшикяй “нетронутой, немецкой” – результат деятельности фашиствующей стороны в Мемельском крае, проведения в жизнь фашистских идеологем.

Особенно яростным нападкам подверглось польское государство, его гитлеровцы объявили нежизнеспособным “организмом”, существующим якобы вопреки законам исторического развития. В этом видится продолжение националистической политики официальной Германии конца XIX века (дедушка Иоганн из романа «Мельница Левина»). Близость взглядов старика Бобровского и адвоката Неймана («Литовские клавиры»), основных “вдохновителей” пангерманских устремлений, выражается в их стремлении объединить немцев на национальной основе. “Мемельландская” партия, которую представляет Нейман в Вилькшикяе, представляла интересы НСДАП, провозглашавшей объединение всех немцев (включая немцев, живущих вне Германии) в “Великую Германию”, из которой вытекал призыв к нарушению суверенитета других государств, к вмешательству в их внутренние дела и к прямой агрессии.

Германия 1936 г. – отголоски, эхо действий официальной Германии 80-х годов XIX столетия. Нацистская этика, уходящая своими духовными корнями в пангерманский союз, оправдывала самые бесчестные поступки, более того, возводила их в ранг доблести и образца для подражания. Не только допускались, но и всемерно поощрялись обман, клевета, жестокость, бесчеловечность.

Бобровский отвергает антигуманный принцип нацистских идеологизаторов, пропагандирующий национальное высокомерие и превосходство как основу нового порядка. Он показывает этот принцип в

действии, вводит образ Неймана, «фюрера» местной, нацистской «только что основанной партии, подлинно германской и велико-германской» [1, с.318]. По его мнению, именно народ, простые люди труда, свободные от подобных принципов, их стремление к духовному равенству людей различных национальностей образуют подлинную основу государства, его духовную сферу, что в свою очередь дает право состояться народу как нации.

Указывая на антигуманность зажиточных немцев Кайзеровской Германии («Мельница»), Бобровский воссоздает в «Литовских клавирах» ситуацию, когда национал-шовинистические ростки уже дали всходы. Фашиствующие персонажи в романе – Нейман, Готшалк, парикмахер Бергер, жандарм Вазген, Лемке – проповедуют сомнительные ценности: расизм, культ силы, ненависть, «над столом... взвиваются и щелкают слова: “национальный позор”, “германская честь” и тому подобное» [1, с.319].

Не зря Бобровский здесь речь ведет о «нордических народах». Нацистская идеология обособляет их (т. е. отделяет от человеческого сообщества) как гордых рыцарей «долга и чести», к коим относят себя Нейман и его собутыльники, но как назвал их Пошка, «сотоварищи», как и подобает учителю. Истинные немцы в «Литовских клавирах» открыто разглагольствуют о немецком достоинстве, чести, когда все вместе, попивая «местное пиво... отличного качества..., какие громкие слова здесь произносят и как благоговеино их выслушивают» [1, с.320].

Таким же образом в пивных залах Мюнхена «рождали» свои гнусные, человеконенавистнические планы нацисты во главе с Гитлером. В пьяной эйфории произносили высокопарные речи, восславлявшие германскую расу, как единственно чистую и безупречную. И хотя и слушали до сих пор все мемельского господина с уважительным вниманием – и, судя по всему, так и будет впредь, – в этом месте речи” (о древних германцах) “господин Канкелат не выдерживает – уж больно пиво хорошее, а водка и того лучше, – затягивает: “На обоих берегах Рейна они сидели, пили да ели”, – и, пропуская мимо ушей

высказывание Неймана: “Наш Рейн – это наш Мемель!” – снова: сидели, пили и ели” [1, с.320].

Искажение национальной истории в Восточной Германии в 60-е годы прошлого столетия дает повод говорить о существовании неизвестного «скрытого» пласта литературы, который условно можно обозначить как «оппозиционно-критическую» литературу (Ю.Квилицц) [3, с.6]. Этот период «открытия» осужденных писателей, обративших свое творчество на проблемы неоднородности литературы ГДР, является определяющим в немецкой литературе 50-70-ых годов. По этому поводу достаточно доказательно высказывались литературоведы единой Германии (после 1989 года), говоря о литературе ГДР и о ее «очень разных позициях по отношению к обществу <...> Тот факт, что отношения между образом мыслей и властью были выражены более отчетливо, чем в других странах, <...> объясняется <...> тем, что образ мысли, например, литература, воспринимался властью как нечто слишком важное. Литературу боялись, и так как ее боялись, она и имела определенную власть. <...>» и жизнь в новой стране, «где образа мысли уже не боятся... и отношений между ним (образом мыслей – прим. автора) и властью тоже больше не существует». [2, с. 6]

Сегодня нам уже известно, что немецкая история в обстоятельствах ГДР также искажалась, в ней видели лишь борьбу классов, различных партий. Оценивая общественную и литературную жизнь в ГДР с середины 50-х годов, нельзя не замечать ее противоречивости, противоборства различных тенденций. С одной стороны, явные успехи в восстановлении экономики, повышение жизненного уровня, внушавшие надежду и уверенность в будущем. С другой стороны, в идеологической и духовной сферах общественной жизни продолжались бесплодные и унижительные для интеллигенции попытки унифицировать общественное сознание [4, с.16]. Следствием кризиса в культурной политике ГДР явились аресты писателей (Э.Лейст, В.Харих) и деятелей науки и культуры, выезд многих из них в ФРГ (Г.Маурер, Ст. Гейм). Некоторые восточноевропейские писатели, которые не смогли принять

эстетически и идейно унифицированную политику властей, впоследствии эмигрировали из ГДР (Юрек Беккер, Сара Кирш, Гюнтер Кунерт, Петер Хухель).

Создавшаяся обстановка обусловлена прежде всего несовместимостью саморазвития литературы и культуры с утилитарной и авторитарной политикой В.Ульбрихта. Об этом свидетельствует “Биттерфельдская конференция” 1959 года, одним из лозунгов которой был “сближение писателей с народом. Но, вместе с тем, положительным «толчком» развития культурной политики Восточной Германии стало «биттерфельдское» движение: сотрудничество интеллигенции и представителей рабочего класса; более близкое знакомство с жизнью, с одной стороны, и, выдвижение в литературу «народных» мастеров – с другой, послужили так называемому плодотворному «обмену опытом» при создании литературных произведений этого периода.

Предметом полемики и спора восточно-немецких литературоведов 90-х годов прошлого века (G. Wolf, B. Leistner, H. Peters, H. Geppert) является проблема взаимодействия исторического прошлого и современности в литературе, проблема «актуализации истории», ее эстетическое обоснование, которая требует от художника соотносить прошлое с насущными социально-духовными задачами текущей действительности.

Поэтому проблема художественного осмысления истории так актуальна и в связи с сущностными проблемами современности на стыке двух тысячелетий (нарастание негативизма межнационального общения, ущемление в правах отдельных народов и народностей, провозглашение лозунга «кто богат, тот и силен») и требует специального рассмотрения. Писатель, как историк, описывает события и облик прошлого, но художественное освоение истории в литературе отличается от научного воссоздания фактов: опираясь на исторические данные, автор произведений исторического жанра идет по пути творческого вымысла, изображает не только то, что было, но и то, что могло бы быть. Это происходит у И.Бобровского с учетом его субъективного взгляда на историю. В картинах прошлого

внимательный читатель распознает настоящее и на уроках и примерах исторического прошлого своей страны находит ответы на трудные вопросы немецкой жизни середины XX века.

Ретроспективная, если быть точнее, историческая проза – это не просто произведение об историческом прошлом, а целая система видов (романов, повестей, рассказов) со своим жанровыми и поджанровыми типологическими структурами. Коренное предназначение исторической прозы – нести познание исторической реальности в образных картинах и действиях, раскрывать психологию человека, правду исторической жизни. Историческая проза, документированная проза с проекцией в прошлое, представляет собой мемуарную литературу, жизнеописания или описания событий в романах-хрониках, собственно-исторический роман (историко-биографический роман, «историческое повествование», «хроника», «роман-миф»), перебрасывающий нить между прошлым и настоящим. Исторический роман, поэтому, - это точка, в которой необходимо пересекаются истина художественная и истина историческая. Мы можем, в таком случае, говорить об историческом романе как о постижении прошлого в художественных картинах и образах.

Бобровский подчиняет ход исторических событий своей художественной воле, в вымышленных картинах и образах произведений автора мы распознаем его сложную мировоззренческую позицию истории. Авторский вымысел (история с мельницей, написание оперы «Певец народа») более настойчиво, более энергично вмешивается, внедряется в реальную историю, в реальные события, свободно обращается с ними, перерабатывает их художественно. На первом плане – непосредственно изображаемая, художественно трансформированная история. Тесное переплетение истории и современности в романах писателя, актуализация народного творчества как условия установления взаимопонимания, укрепления дружбы между немецким и славянскими народами является важнейшим моментом в системе его художественной концепции истории. Бобровский высказывает своим творчеством народную точку зрения на жизнь, предлагает «модель мирного

существования» народов Европы в свете геополитических перемен в 20-е годы нынешнего столетия.

Литература

1. Бобровский И. Избранное. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 431с.
2. Слуцкис М. Бобровский и Литва //Иностранная литература. – 1973. – №4. – С. 209-217
3. Гладков И.В. Литературный процесс в Восточной Германии после воссоединения страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.superinf.ru/> (дата обращения 12.11.2015)
4. Гильфанова Г.Т. Жизнь и язык народа (романы Иоганнеса Бобровского) Научное издание /монография/ – Наб. Челны: Изд-во КамПИ, 2003. – 136 с.
5. Фролов Г.А. Зарубежная литература XX века. Курс лекций / Г.А.Фролов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 284с.

Gilfanova G.T., candidate of philologic Sciences, assistant professor, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga region) Federal University

HISTORY AND MODERNITY IN BOBROWSKI'S FICTION

Abstract: A poetic exploration of the historical past of the peoples of Eastern Europe, the centuries-old German-Lithuanian-Slavic relations and personal experience prompted Bobrowski to appeal to German history. Close interacting of history and modernity in novels of the writer, updating of folklore as a condition for mutual understanding, strengthening friendship between the German and Slavic peoples is an important moment in the history of his artistic concept.

Key words: history, the present, the concept of history, creativity